

УДК 94(470.5)"1781/1790"

doi 10.17072/2219-3111-2018-1-121-128

**ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ВЕРХНЯЯ РАСПРАВА:
ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (1781–1790-Е ГГ.)¹*****А. Плате***Уральский федеральный университет, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
aliceplate@mail.ru

Статья посвящена проведению губернской реформы Екатерины II на Среднем Урале. Вопросы комплектования и финансирования созданных административных и судебных учреждений, стоявшие особенно остро на севере и востоке России, исследуются на примере Екатеринбургской верхней расправы (1781–1797 гг.). В социально-экономических условиях региона апелляционный суд, отвечавший за касавшееся свободного сельского населения судопроизводство в губернии, стал преемником упраздненной Канцелярии главного правления заводов, а также высшим судебным органом в зауральской части Пермского наместничества. Анализ архивных документов показал, что, несмотря на давно сложившуюся инфраструктуру, учреждение испытывало существенные затруднения. В первые годы преобразований на дееспособность Екатеринбургской верхней расправы влияли последствия утечки мозгов. Большинство опытных делопроизводителей, состоявших в ее штате, были постепенно переведены во вновь учрежденную столицу региона, Пермь, и уездные города, страдавшие от кадрового голода. Однако более серьезное препятствие для функционирования верхней расправы представляли проблемы, возникавшие из-за двойной нагрузки и недофинансирования учреждения: в связи со своей особой позицией, суд не только должен был выполнять функцию координатора деятельности четырнадцати подчиненных ему уездных учреждений, в его ведении находились оба архива, «унаследованные» от организации-предшественника. Невзирая на увеличенный круг обязанностей, Екатеринбургская верхняя расправа снабжалась строго согласно закону; по штату и бюджету она не отличалась от Пермской верхней расправы, игравшей гораздо менее значимую роль в регионе.

Ключевые слова: история Урала второй половины XVIII в., история судебных учреждений России, административно-судебная реформа Екатерины II, Пермское наместничество, история чиновничества, верхняя расправа.

Губернская реформа Екатерины II, проводившаяся в рамках просвещенно-абсолютистского полицейского законодательства, должна была служить «общей пользе», установлению и поддержанию «добротного порядка». Обеспечить благосостояние государства, «тишину и безопасность», устранить такие широко распространенные нарушения как «медленность, упущения и волокита» должно было «точнейшее исполнение <...> узаконений» (ПСЗРИ, 1830, т. 20, № 14392). Преобразования последней четверти XVIII в. имели целью рационализацию судопроизводства и повышение эффективности работы местной администрации. Основным закон губернской реформы об «Учреждениях для управления губерний» («Учреждения») от 7 ноября 1775 г. детально регламентировал порядок формирования, функции и компетенции судов. Создание густой сети судебных и административных учреждений привело к колоссальному расширению управленческого аппарата (ПСЗРИ, 1830, т. 20, № 14392).

Успех реформ зависел от решения вопросов укомплектования и финансирования многочисленных уездных и губернских учреждений. Как показано в историографии, реализация столь масштабного проекта оказалась проблематичной. Тормозилась она прежде всего на севере и востоке страны, где доля дворянства в среде населения была низкой. Соответственно рекрутировать подходящие кадры для открытых должностей, занимаемых чиновниками V–XIV класса, было зачастую нечем [Готье, 1941, с. 279–281; Каменский, 2001, с. 432–433; Любина и др., 2002; Мадариага, 2002, с. 461–463; Писарькова, 1995, 2007, с. 420–426; Снежневский, 1903, с. 43–50].

Средний Урал, полностью входивший в созданное в октябре 1781 г. Пермское наместничество, не являлся в этом отношении исключением. На расположенной по обеим сторонам Уральского хребта территории благородное сословие было малочисленным, так как владельцы

горнопромышленных предприятий и поместий предпочитали жить в столицах. В городах (у 10 из 15 был признан статус города в ходе реформ) проживало лишь 4,2 % населения. Усугублял ситуацию выбор административного центра учреждаемого наместничества. В первое время построенная на основе поселка Егошихинского медеплавильного завода губернская столица Пермь не смогла исполнять функции города-донора. Вместо того чтобы обеспечивать уездные центры людскими ресурсами и ноу-хау, город сам нуждался в помощи извне [Балбашевский, 1892, с. 32–47; Дмитриев, 1889, с. 23–25, 38–42; *История местного управления...*, 1999, с. 23]. В начале 1780-х гг., как отметил Д.Е. Хохолев, необходимая инфраструктура для решения новых управленческих задач имела только в центре уральского горного управления – Екатеринбург [Хохолев, 2003, с. 13].

Что касается понимания России как «хорошо организованного полицейского государства» («well-ordered police state»), введенного с 70-х гг. XX в. М. Раевым и его учениками, то современные отечественные и западные ученые выразили сомнения в регулирующей эффективности нововременного государства [Бугров, Киселев, 2016, с. 29; Омельченко, 1993; Raeff, 1975; Schlumbohm, 1997, с. 648–649; Schwerhoff, 2011, с. 167–171]. Уральские исследователи К.Д. Бугров и М.А. Киселев считают, что «правомочно задаться вопросом о том, насколько регулярным было государство, созданное Петром I и его наследниками?» (цит. по: [Бугров, Киселев, 2016, с. 29]).

По нашему мнению, не менее важным является изучение вытекающего из этого вопроса о том, как на практике преодолевался всеобщий кадровый дефицит, какие способы и механизмы использовала местная администрация для того, чтобы совмещать ожидания и требования законодателя с имеющимися в их распоряжении людскими и материальными ресурсами. Цель данной статьи – исследовать поставленные вопросы на примере Екатеринбургской верхней расправы, сословного суда второй инстанции, отвечавшего за решение уголовных и гражданских дел свободного сельского населения, в том числе показать воздействие таких факторов, как состав населения, обязанности, сохранившиеся от предыдущей административной системы, а также решения локальных властей, на дееспособность указанного учреждения в первые годы преобразований на Среднем Урале.

В связи с незначительной долей дворянства в регионе, а также из-за того, что с роспуском Горнозаводского правления разные категории населения, прежде находившиеся в ведении отраслевой горнозаводской администрации, перешли под юрисдикцию общегражданских органов управления, в Пермском наместничестве нижние расправы были учреждены в 12 из 16 уездов, а после перехода Челябинского уезда в состав Уфимского наместничества – в 11 из 15 административных единиц. Преобладание сельских судов первой инстанции было отмечено на губернском уровне. Соответственно, потребность в дублировании апелляционных судов возникала только в случае существования верхних расправ, которые были созданы в Перми, а также в областном городе Екатеринбурге (ПСЗРИ, т. 21, № 15115, п. 4; ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 21. Л. 4; Д. 47).

В зауральской части наместничества из-за отсутствия сословных судов для дворян и губернского магистрата в период учреждения новых порядков Екатеринбургская расправа занимала особое место. Она стала преемником упраздненной Канцелярии главного правления заводов и высшим судебным органом в области, в прямом подчинении которого находилось 16 (позже 14) учреждений: все нижние расправы, а также ввиду отсутствия верхнего земского суда все нижние земские суды.

Согласно штатам Пермского наместничества в судейскую коллегия верхней расправы входили два председателя VII класса, десять сельских заседателей, а также два секретаря XII класса, распределяемые по обоим департаментам учреждения. Должности функционирующей при ней прокуратуры следовало исполнять прокурору VIII класса и двум стряпчим X класса (ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 22. Л. 10).

В первые недели существования пост председателя в первом департаменте занимал бывший воевода Красноуфимска, дворянин Уфимского уезда подполковник Ефим Тарбеев. Председателем второго департамента был назначен коллежский ассессор (с 1784 г. – надворный советник, с 1793 г. – коллежский советник) Алексей Михайлов, бывший судья в Конторе земских и судебных дел (ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 3. Л. 22; Ф. 316. Оп. 1. Д. 112. Л. 66).

Имя Е. Тарбеева связано с открытием присутственных мест в Камышловском, Алапаевском, Ирбитском и Верхотурском уездах. В начале 1782 г. он был сначала назначен на остававшуюся в первое время вакантной должность обер-коменданта Екатеринбурга, а затем переведен в Пермь для исполнения должности советника в счетной экспедиции при казенной палате (ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 45; Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 46). На место Е. Тарбеева был поставлен происходивший из купцов (с 1783 г. – коллежский асессор, с 1792 г. – надворный советник) Гаврило Иконников, завершивший в 1775 г. свою военную карьеру в ранге секунд-майора и с тех пор служивший экзекутором в главной над таможенными сборами канцелярии (ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 112. Л. 66). Гаврило Иконников и Алексей Михайлов возглавляли учреждение до конца рассматриваемого периода.

Первым прокурором учреждения являлся бывший товарищ Ирбитского воеводы, выходец из малорусского дворянства Василий Лазаревич. После его перевода в казенную палату на должность советника в счетной экспедиции прокурором стал коллежский асессор Николай Колтовский (1785–1791 гг.). Весной 1791 г. он ушел в отставку по состоянию здоровья, и с июля того же года его сменил бывший городничий города Оханска секунд-майор князь Николай Маматказин (ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 3. Л. 22; Ф. 316. Оп. 1. Д. 112. Л. 66; Ф. 569. Оп. 1. Д. 4. Л. 8; Д. 56. Л. 135). На вакантную в течение первого года преобразований должность стряпчего в конце 1782 г. нашелся прапорщик Яков Михайлов. Затем, с 1784 г., стряпчими в верхней расправе числились коллежский протоколист Григорий Безбородов и прапорщик Козьма Кузнецов (ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 13; Д. 111. Л. 15).

Более частым кадровым изменениям был подвергнут секретариат учреждения. Первыми секретарями стали коллежский регистратор Егор Олышев, прежде занимавший канцелярское место в горном начальстве Гороблагодатского завода, и протоколист Никита Овчинников из бывшей Конторы земских и судебных дел (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 4. Л. 9). Последний в сентябре 1782 г. перешел в состав Пермской верхней расправы. Н. Овчинникова сменил неоднократно просивший о переводе «подьяческий сын» Петр Гилев, занимавший должность городского секретаря во втором департаменте Екатеринбургской верхней расправы (ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 11. Л. 38, 188). В конце 1784 г. он тяжело заболел и уволился со службы. Вакансия была заполнена также происходившим из «подьяческих детей» регистратором Иваном Плотниковым, переведенным при открытии Пермского наместничества из «Укусской золотопромыванной конторы» (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 319; ГАСО. Ф. 591. Д. 5. Л. 59). Спустя год Е. Олышев был отправлен в Пермскую казенную палату, И. Плотников перевелся в первый департамент, а на его место поступил канцелярист Лев Рябухин, служивший до получения обер-офицерского чина в экспедиции мраморной ломки и приисках разных родов цветных металлов (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 307–308об.). И. Плотников и Л. Рябухин оставались на секретарских должностях в Екатеринбургской верхней расправе до момента ее упразднения в 1797 г.

Как было показано, на ведущие посты в присутствие верхней расправы были назначены высокопоставленные чиновники. На более низкие должности таких представителей среди местного населения найти было невозможно. Кроме П. Гилева секретарские обязанности исполняли регистраторы и канцеляристы, а стряпчими вместо чиновников X класса служили прапорщики и коллежский протоколист.

Согласно положению от 28 января 1781 г., содержавшему распоряжение взять за образец штаты Рязанского наместничества, в Пермском наместничестве годовой бюджет верхней расправы составлял 1028 руб. Из него выделялось 80 руб. для покрытия текущих канцелярских расходов. Остальная сумма предназначалась для выплаты жалованья одиннадцати канцелярским служителям, а именно регистратору, архивариусу и переводчику XIV класса, двум канцеляристам, трем подканцеляристам и трем копиистам (из которых по одному прикреплялось к прокуратуре), а также сторожу (ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 67. Л. 1, 3).

При укомплектовании канцелярского аппарата Екатеринбургской верхней расправы местные власти также могли опереться на уже сложившиеся структуры. В первые месяцы существования учреждения, с ноября 1781 г. до весны 1782 г., он состоял исключительно из делопроизводителей бывших Канцелярии главного заводов правления и Конторы земских и судебных дел. На должности регистратора и архивариуса были назначены канцеляристы Обросим Грехов и Иван Решетников, канцеляристами стали Иван Баянов и Никита Вяткин, подканцеляристами – Василий Питерский,

Михайло Белозеров и Герасим Тупикин, а копиистами – Павел Липатников, Федор Суботин и Александр Спешников (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 4. Л. 7; Д. 5. Л. 9; Д. 11. Л. 261).

Последующие годы отличались частыми изменениями в личном составе канцелярского аппарата, вызванными кадровым голодом в присутственных местах других городов наместничества. В новую столицу региона из Екатеринбургской верхней расправы кроме упомянутого Е. Ольшева были переведены копиисты П. Липатников и Ф. Суботин, первый – в наместническое правление, а второй – в казенную палату. В большей мере учреждению приходилось компенсировать дефицит квалифицированных делопроизводителей в уездных центрах зауральской части наместничества. На протяжении первых полутора лет канцеляристы О. Грехов и И. Баянов, а также подканцелярист В. Питерский были направлены в нижние земские суды Камышлова, Екатеринбурга и Ирбита для исполнения секретарских должностей. (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 71, 111, 136; Д. 16. Л. 16, 93, 164-165; Д. 20. Л. 135).

Вакансии в верхней расправе заполнялись за счет приказных служителей, прежде числившихся в штатах других присутственных мест региона. В 1783–1785 гг. в Екатеринбурге служили канцеляристы из Далматовских нижнего земского суда и нижней расправ Афонасий Могильщиков и Николай Потягин. Туда же были переведены из нижних расправ Алапаевска, Камышлова и Екатеринбурга канцелярист Степан Коробов, а также копиисты Никита Киржатский и Григорий и Николай Плотниковы (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 72, 111, 136; Д. 5. Л. 120, Д. 16. Л. 163; Д. 20. Л. 6; Д. 23. Л. 120; Д. 26. Л. 109).

На начальном этапе функционирования учреждения определенную роль играло повышение по службе собственных, правда, менее перспективных кадров. Летом 1784 г., несмотря на «весьма посредственную прилежность», чином канцеляриста был награжден подканцелярист Михайло Белозеров. Козьма Газников, державшийся на месте копииста в течение 32 лет из-за того, что был положен в подушный оклад, получил должность подканцеляриста в 1784 г. Спустя два года он стал числиться «заканцеляристом» (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 122, 146, 157; Д. 60. Л. 52).

Ряды Екатеринбургской верхней расправы пополнялись прежде всего молодыми канцелярскими служителями. В 1783–1785 гг. учреждение приняло одиннадцать новых копиистов, большинство которых было возведено в ранг подканцеляриста уже весной 1785 г., а остальные – в течение второй половины десятилетия (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 121, 136, 144, 146, 158, 171–172; Д. 20. Л. 302; Д. 36. Л. 286–287; Д. 47. Л. 14-15об.; Д. 60. Л. 234–236). Помимо этого, в верхней расправе сохранялся постоянный контингент из одного-двух «пищиков» и нескольких учеников горного училища, будущих делопроизводителей, получавших первый практический опыт (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 72, Д. 16. Л. 195; Д. 20. Л. 45; Д. 42. Л. 2).

Екатеринбургская верхняя расправа в отличие от большинства других присутственных мест в регионе не испытывала количественного дефицита кадров. В ее структурах всегда служили несколько сверхштатных копиистов. Временами в рядах учреждения числились четыре подканцеляриста и канцеляриста – в два раза больше, чем положено по штатам (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 158, 171–172). Возникла проблема качества служащих. Несмотря на протест председателей суда, до середины 1780-х гг. наместническое правление отзывало практически всех опытных канцелярских служителей из прежних административных структур. Из старых кроме упомянутого К. Газникова остались только Н. Вяткин и А. Спешников, также не освобожденные от уплаты подушного оклада и поэтому не подлежавшие повышению (ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 32–33).

За исключением Н. Киржатского, преодолевшего карьерный путь от копииста до канцеляриста за два года, переведенные в Екатеринбургскую верхнюю расправу из других городов приказные служители отличались сомнительной репутацией (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 60. Л. 59, 236, 333). Степану Коробову, находившемуся в канцелярской должности с лета 1782 по март 1783 г., было рекомендовано доверить только письменные работы и отослать в случае повторного недостойного поведения в Березовский завод (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 107). Переводу А. Могильщикова из Далматова предшествовал его конфликт с уездным казначеем капитаном Давыдовым, завершившийся тем, что А. Могильщиков запер последнего и его жену в их собственной горнице (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 61). Копиист же Г. Плотников, продававший фальшивые паспорта крестьянам, не был отстранен от службы только благодаря стараниям своего старшего родственника, секретаря И. Плотникова (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 26а. Л. 21–30об.).

Именно на первом году своего существования верхняя расправа испытывала серьезные финансовые трудности. Руководство учреждения регулярно обращалось с просьбами о выплате жалования то в уездное, то в областное казначейство (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 9–15, 32, 46). Не хватало и ресурсов. В ноябре 1781 г. при открытии присутственных мест в Екатеринбурге новым организациям было объявлено довольствоваться припасами, оставленными от предыдущих учреждений. Таковых, однако, было крайне мало – лишь чернила и несколько стоп бумаги. Деньги для покупки дров, сургуча и свечей приходилось занимать у продавцов (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 6). В следующую осень было сделано несколько запросов о выделении хотя бы части средств, необходимых на канцелярские расходы. Учреждению уже в конце ноября не хватало дров (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 19–20, 57).

К «классическим» затруднениям, касавшимся укомплектования и финансирования учреждений, добавилось еще одно, правда, менее часто в литературе упоминаемое. В традиционных административных центрах, где открытие новых присутственных мест, на первый взгляд, происходило в облегченных стартовых условиях, вновь созданным организациям был передан функционал упраздненных в ходе реформ предшественников. Подобная политика привела к тому, что в таких местах процессы привыкания к новой административной системе и выполнения обязанностей, оставшихся от старой, проходили параллельно.

Екатеринбургской верхней расправе и подчиненным ей уездным учреждениям, нижней расправе и нижнему земскому суду, было передано в пользование одно крыло двухэтажного каменного здания Канцелярии главного заводов правления и находящийся в нем инвентарь (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–22; Д. 2. Л. 9; ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 4) [Корепанов, 2001, с. 7].

Вместе с тем верхней расправе вменялось в обязанность продолжение работы в архивах Канцелярии главного заводов правления и Конторы судных и земских дел. Работа была трудоемкая: решенные дела объединялись в книги, нередко насчитывавшие несколько тысяч листов, складывались в ящики, снабжались реестрами и затем в зависимости от их содержания отправлялись в Пермь, в наместническое правление или казенную палату. Что касается нерешенных дел, то сначала составлялись их описи, затем они рассылались в те нижестоящие учреждения, в компетенции которых их решение теперь находилось (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–10; Д. 5. Л. 209–371; Д. 16. Л. 44; Д. 26а. Л. 64–65, 78).

Кроме того, в своей роли регионального координатора учреждение рассматривало дела, представленные на ревизию нижними расправами, и передавало их в уголовную или гражданскую палату, а также принимало и проверяло отчеты и ведомости из нижестоящих учреждений, чтобы затем отправить их в наместническое правление. В свою очередь из Перми поступали рассмотренные дела, и прежде всего указы, которые приходилось регистрировать, переписывать и затем пересылать всем уездным учреждениям в области.

Объем работы был огромным. В некоторые годы, как уже говорилось, учреждение нанимало двойной состав подканцеляристов и канцеляристов (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 102–103). К тому же для работы в архивах были привлечены несколько дополнительных, числившихся в штате уездных учреждений должностных лиц: Алексей Гизелевский и Петр Разевин, занявшие в Екатеринбургской нижней расправе должности расправного судьи и секретаря соответственно, а также подканцеляристы Карп Русаков и упомянутый Козьма Гасников, до того определившиеся в нижние расправы Алапаевска и Верхотурья (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 2. Л. 9; Д. 20. Л. 277; Д. 26. Л. 57, 83; ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 10–11).

Несмотря на приложенные усилия, верхней расправе не удалось решить поставленную задачу в срок. Наместническое правление настаивало на завершении архивных работ до конца 1784 г., но еще в октябре 1787 г. в казенную палату был отправлен ящик, содержащий 2262 решенных дела, датированных преимущественно 1746–1749 гг. (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 277; Д. 26а. Л. 64). Задерживалась и текущая работа. Контрольные меры, принятые наместнической прокуратурой в январе 1786 г., позволили выявить, что Екатеринбургская верхняя расправа в первые четыре года оставила без ответа 2008 указов вышестоящих учреждений (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 60. Л. 3–6об.).

Итак, в период становления Екатеринбургской верхней расправы на эффективность ее работы влияла недостаточность людских ресурсов в регионе, особенно в уездных центрах зауральской части наместничества, приведшая к высокой текучести кадров и обеспечению

количества в ущерб качеству. Проблема была обусловлена прежде всего особенностями структуры местного населения. На функционировании учреждения сказались и недостаточная гибкость при составлении штатов и подготовке бюджета. Проблематичность формирования канцелярских аппаратов на Среднем Урале возникла из-за того, что образцом служило Рязанское наместничество – традиционная частновладельческая территория, где суды для свободного сельского населения играли второстепенную роль. Таким образом, при согласовании штатов Пермского наместничества местные власти не в должной мере учли позицию Екатеринбургской верхней расправы. Невзирая на расширенный объем обязанностей, верхняя расправа финансировалась строго по закону, в соответствии с квотами, выделяемыми апелляции суду для сельского населения в губернии. На Екатеринбургскую верхнюю расправу, отвечавшую за 14 уездных учреждений, и на ее канцелярских служащих, ведущих к тому же два архива, ложилась двойная нагрузка. Несмотря на это, она имела такой же бюджет, как и верхняя расправа в Перми, в ведении которой находилось всего четыре нижних расправы.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.8064.2017/8.9 «Коммуникативные поля бытования инновационных процессов в России Нового времени: генезис, функционирование, трансформации».

Список источников

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 290. Оп. 1. Д. 3, 11, 22; Ф. 316. Оп. 1. Д. 21, 46, 47, 67, 111, 112, 118; Ф. 569. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 11, 16, 20, 23, 26, 26а, 36, 42, 47, 56, 60.
Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 491. Оп. 1. Д. 179; Ф. 591. Оп. Д. 5.
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 20, 21.

Библиографический список

Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 г. Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1891. С. 24–47.

Бугров К.Д., Киселев М.А. Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 2. С. 29–36.

Готье Ю.В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 304 с.

Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб.: Русская скоропечатня, 1910. 387 с.

Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. (с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 гг.). Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1889. 363 с.

История местного управления на Урале в XVIII – начале XX в.: город, село, деревня / *Е.Б. Анкаримова* и др.; общ. ред. *Н.А. Миненко*. Екатеринбург: Б.и., 1999. 147 с.

Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в. (Опыт целостного анализа). М.: Б.и., 2001. 575 с.

Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). Екатеринбург: Б.и., 2001. 251 с.

Любина Т.И., Смирнов С.Н., Бодрова Ю.В., Мельникова И.Г., Думенко О.Е., Gerth N.M. Люди 20-го числа. Мир провинциального российского чиновничества конца XVIII–начала XX в. М.: Б.и., 2013. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/124193043.pdf> (дата обращения: 12.10.2016).

Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Нов. лит. обозрение, 2002. 975 с.

Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. 428 с.

Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Человек. 1995. № 3. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/PISAR_1.HTM (дата обращения: 04.12.2017).

Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в. Эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007. 758 с.

Снежневский В.И. Приказные люди в Нижегородском наместничестве // «Действия» Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сб. статей, сообщений, описей и документов. Нижний Новгород: Типо-Литография Т-ва К.М. Машистова, 1903. Т. 5. С. 43–50.

Хохолев Д.Е. Управление Пермским наместничеством (1781–1796 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. 18 с.

Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *The American Historical Review*. 1975. Vol. 80, № 5, Dec. С. 1221–1243.

Schlumbohm J. Gesetze, die nicht durchgesetzt werden – ein Strukturmerkmal des frühneuzeitlichen Staates // *Geschichte und Gesellschaft (GG)*. 1997. (23). S. 647–663.

Schwerhoff G. Historische Kriminalitätsforschung (Historische Einführungen Bd. 9). Frankfurt a.M.: Campus, 2011. 234 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 17.02.2017

THE UPPER SUMMARY COURT OF YEKATERINBURG: ORGANISATION AND FUNCTIONING IN 1781-1797

A. Plate

Ural Federal University, Lenin ave., 51, 620000, Yekaterinburg, Russia
aliceplate@mail.ru

The article deals with the implementation of Catherine II's administrative and legal reforms at the Central Urals. Staffing the newly founded institutions with qualified officials and chancery clerks and providing them with regular financing posed a challenge to the local administration, especially in northern and eastern regions of Russia. This is shown by the example of the upper summary court in Yekaterinburg set up in October 1781. Due to social and economic conditions, the court of appeal that dealt with civil and criminal cases involving the free rural population did not only hold the position of the highest court in the Eastern part of the Perm vicegerency (1781-1796), but also became the successor of the Chief Office of Mines and Works. Despite of the well-established infrastructure, the upper summary court went through a severe period in the first years. It suffered constant brain drain since most experienced chancery clerks had moved to Perm and district towns in the Yekaterinburg region experiencing heavy manpower shortage. More serious difficulties, however, were caused by the double burden the upper summary court was inflicted with. Because of its special position, it did not only act as a coordinator between the fourteen subordinated district courts, but also was responsible for the two archives, "inherited" from the Chief Office of Mines and Works. Regardless of this, the Yekaterinburg upper summary court was equally staffed and provided with the same budget as its Perm based counterpart playing a far less significant role in the region.

Key words: history of the Urals of the second half of the 18th century, history of the court system in Russia, administrative and legal reform of Catherine II, Perm vicegerency, history of officialdom.

References

Balbashevskiy, G.I. (1892), "Historical outline of the civil structure of Perm Krai", in *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Permskoy gubernii na 1891 god* [Memorial booklet and address-calendar of the Perm province for 1891], Tipografiya P.F. Kamenskogo, Perm, Russia, pp. 24-47.

Bugrov, K.D., Kiselev, M.A. (2016), "How regular has the Russian "regular state" of the 18th century really been? The working principles of the Yekaterinburg district court according to incoming documents", *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, № 2, pp. 29–36.

Got'e, Yu.V. (1941), *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii. Ot Petra I do Ekateriny II. T. 2* [A history of the provincial administration in Russia. From Peter I until Catherine II. Vol. 2], Izd-vo AN SSSR, Moscow, Russia, 304 p.

Grigor'ev, V.A. (1910), *Reforma mestnogo upravleniya pri Ekaterine II* [The reforms of the local administration under Catherine II], Russkaya skoropechatnaya, St. Petersburg, Russia, 387 p.

Dmitriev, A.A. (1889), *Ocherki iz istorii gubernskogo goroda Permi s osnovaniya poseleniya do 1845 g. (s pri-lozheniem letopisi goroda Permi s 1845 do 1890 gg.)* [A short history of the province city of Perm from the foundation of the settlement until 1845 (enclosing a chronicle of Perm from 1845 to 1890)], Tipografiya P.F. Kamenskogo, Perm, Russia, 363 p.

- Istoriya mestnogo upravleniya na Urale v XVIII – nachale XX v.: gorod, selo, derevnya* (1999) [A history of the local administration of the Urals in the 18th to the early 20th centuries: town, rural settlement, and village], Bank kul'turnoy informatsii, Yekaterinburg, Russia, 147 p.
- Kamenskiy, A.B. (2001), *Ot Petra I do Pavla I. Reformy v Rossii XVIII veka (Opyt celostnogo analiza)* [From Peter I to Pavel I. Reforms in Russia in the 18th century (a coherent analysis)], RGGU, Moscow, Russia, 575 p.
- Khokholev, D.E. (2003), *Upravlenie Permskim namestnicheskom (1781–1796 gg.)* [Administration of the Perm vicegerency (1781-1796)], Abstract of PhD dissertation, Yekaterinburg, Russia, 18 p.
- Korepanov, N.S. (2001), *V rannem Ekaterinburge (1723–1781 gg.)* [In Early Yekaterinburg (1723–1781)], Bank kul'turnoy informatsii, Yekaterinburg, Russia, 251 p.
- Lyubina, T.I., Smirnov, S.N., Bodrova Yu.V., Mel'nikova, I.G., Dumenko, O.E., Gerth, N.M. (2013), *Lyudi 20-go chisla. Mir provintsial'nogo rossiyskogo chinovnichestva kontsa XVIII – nachala XX v.* [People of the 20th day. The world of the Russian provincial officialdom of the late 18th – early 20th centuries], RGNF, Moscow, Russia, available at: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/124193043.pdf> (accessed: 12.10.2016).
- Madariaga, I. de (2002), *Rossiya v epokhu Ekateriny Velikoy* [Russia in the Age of Catherine the Great], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 975 p.
- Omel'chenko, O.A. (1993), „Zakonnaya monarkhiya” *Ekateriny Vtoroy. Prosveshenny absolutism v Rossii* [“The legal monarchy” of Catherine the Second. Enlightened absolutism in Russia], Yurist, Moscow, Russia, 428 p.
- Pisar'kova, L.F. (1995), “Russian clerks at service at the end of 18th first half of the 19th centuries”, *Chelovek*, № 3, available at: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/PISAR_1.HTM (accessed: 04.12.2017).
- Pisar'kova, L.F. (2007), *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka. Evolutsiya byurokraticheskoy sistemy* [State administration in Russia of the late 17th – late 18th centuries. The evolution of bureaucratic system], ROSSPEN, Moscow, Russia, 758 p.
- Raeff, M. (1975), “The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach”, *The American Historical Review*, vol. 80, № 5, pp. 1221–1243.
- Schlumbohm, J. (1997), *Gesetze, die nicht durchgesetzt werden – ein Strukturmerkmal des frühneuzeitlichen Staates*, *Geschichte und Gesellschaft (GG) (23)*, Vandenhoeck&Ruprecht, Göttingen, Germany, pp. 647–663.
- Schwerhoff, G. (2011), *Historische Kriminalitätsforschung, (Historische Einführungen Bd. 9)*, Campus, Frankfurt a.M., Germany, 234 p.
- Snezhevskiy, V.I. (1903), „Clerks in the Nizhgorodskoy vicegerency“, in *Deystviya Nizhegorodskoy gubernskoy uchenoy arkhivnoy komissii: Sb. statey, soobsheniy, opisey i dokumentov, T. 5.* [Works of the scientific historical commission of the Nizhni Novgorod region: a collection of articles, reports, registers and documents, vol. 5], Tipografiya T-va K.M. Mashistova, Nizhniy Novgorod, Russia, pp. 43–50.